

CONTEMPORARY TATAR POETRY IN RUSSIAN TRANSLATIONS: ON THE ISSUES RELATED TO THE PROBLEM

Elvira Firdavilevna Nagumanova,

Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation,
ehlviran@yandex.ru.

This article is the first review of the Russian translations of contemporary Tatar poems and general trends in the practices of poetic translations from Tatar into Russian. The research results identify a growing interest in translations from ethnic languages at the beginning of the twenty first century, as evidenced by numerous collections of translations from the Tatar language released both in Moscow (e.g., “The Anthology of New Tatar Poetry”) and Kazan publishing houses (collections of translated poems by Suleiman, Mirza, Lenar Shaekh, et al). The quality of translations based on the original text significantly differs from those based on the interlinear translation. The analysis of the translated works enables us to conclude that contemporary translators find interesting forms in the Russian language to adequately transfer the Tatar authors’ poetic styles; however, many patterns of contemporary Tatar poetry still present difficulty for translation into other languages.

Key words: contemporary Tatar poetry, translation, original, Russian language, poetics, identity.

Translation is a complex multi-faceted phenomenon, certain aspects of which are the subject of various studies. Translatology studies psychological, literary and other aspects of translation, as well as its history.

The early twentieth century witnessed the first publication of research works and practical guides deepening the theory of translation and revealing its principles and techniques (the works by A. Fedorov [Fedorov], K. Chukovsky [Chukovsky], A. Grivenko [Grivenko], K. Levin [Levin], et al.). The first significant theoretical generalizations in Tatar literary studies also date back to the beginning of the twentieth century. In her research works, as D. F. Zagidullina characterizes this process follows: “Until 1907, translations from Oriental languages prevailed, but in the period from 1907 to 1911 the focus shifted from Oriental to Russian literature. The Tatar reader had an opportunity to get acquainted with the works by the classics of Russian literature (L. N. Tolstoy, A. S. Pushkin, I. S. Turgenev, A. I. Kuprin, N. V. Gogol, A. P. Chekhov, etc.) and foreign authors (D. Defoe, V. Hugo, J. Verne, M. Twain, Moliere, etc.) [Zagidullina, 2011, p. 79]. By this time, a new generation of translators had formed. It included S. Rakhmankoliev, I. Bogdanov, V. Akhmadullin, G. Keram, V. Apanaev, I. Kazakov. Apart from them, the work actively involved writers such as G. Tukay, F. Amirkhan, G. Kamal, S. Ramiev, G. Iskhaki, G. Rakhim. Their aim was to familiarize the Tatar reader with world literature. Entering into a dialogue with a foreign author, Tatar writers preferred to use creative approach rather than

strive for literal translation. As T.N. Galiullin and M.M. Khabutdinova noted in their article “Western European Classics: G. Tukay’s Translations”, “Creative translations of Shakespeare, Goethe, Heine and Byron’s works bear the imprint of G. Tukay’s poetic individuality”. [Galiullin, Khabutdinova, p. 59].

The studies show that the translations were not one-sided. Representatives of different strata of Russian society were keenly watching the change in the social and spiritual life of the Tatar people, the evolution of Tatar literature. In parallel with review articles about the state of Tatar ethnic literature, the Russian periodicals of that time also contained translations of the works by the Tatar writers who began to reform literary traditions: G. Ishaki (1878–1954), G. Tukay (1886–1913), S. Ramiev (1880–1926). This facilitated the beginning of theoretical studies in the field of translatology (G. Ibragimov [Ibragimov], F. Amirkhan [Әмирхан], F. Saifi-Kazanli [Сәйфи-Казанлы]).

In his book “The Art of Translation”, Theodore Savory wrote that everyone who is interested in language cannot continuously keep their interest within the scope of their mother tongue, and as soon as their thought resorts to words and phrases used in other countries, they face translation problems. As soon as they begin to understand the nature of these problems, they almost immediately and unwillingly start to admire them. Their attractiveness is in their complexity, the diversity of attempts made to overcome difficulties in translation, and the absence of any final and universal solutions [Savory, p. 35]. The translator, as well as

the author of the original text, “thinks” with images, searches for linguistic, compositional and other correspondences to these images and employs them. As G. Gachechiladze admits, “translation is always a reflection of the artistic reality of the original, however, it is no less real than any original text” [Gachechiladze, p. 253–254]. The translator’s job is different only by its dependence on the subject of the text which needs to be reproduced in a different language. G. Ibrahimov defined the translator’s tasks as follows: the translator must not only grasp the author’s idea, but also understand the author’s train of thought and scope of feelings to avoid any contradiction between the original text and its translation [Ibrahimov, p. 40].

The purpose of the translator is to produce a text that creates the artistic impression similar to the original. In the article “Verse Structures of the Lyric Text and Poetic Translation”, S. Goncharenko notes that “the translator must primarily strive for transferring the conceptual and aesthetic information, sacrificing, if necessary, factual and semantic equivalence” [Poetics of translation, p. 110]. According to U. Eco, translation “is always possible if the source text has been interpreted with passionate involvement...” [Eco, p. 439].

Russian literature traditionally refers to the nineteenth century as the golden age of translation, since this period witnessed the appearance of many translations from foreign languages, and the practice of free translations started to be used in literature. As A. N. Girivenko writes, in the Romantic period, “... the translated text is understood as a nation’s “own” version of the original, and then the entire Romantic period is nothing but a unique stage of converting “other people’s words” into “their own other people’s words”. This is a kind of creative appropriation or creative adaptation of foreign texts. Pushkin era literature is alleged to have appropriated the cultural functioning of translation in the literary context, wherein translation is understood as a nation’s “own” version of the original” [Girivenko, p. 47].

In the twentieth century, the Russian language became an important means of expressing the national culture and played the role of a bridge language. According to the vivid expression by Ch. Aitmatov, “it was the first to connect the artistic riverbanks of the nationalities who had not been aware about the existence of one another before” [Aitmatov]. Obviously, this affected the internal potential of Russian literature itself, as it is enriched by translations from ethnic literatures.

As mentioned above, theoretical generalizations in the field of translation began to appear in Tatar literature at the beginning of the twentieth century, although a significant contribution to the development of translatology had been made even earlier by Q. Nasiri. In the nineteenth century, he fulfilled the first works in the field of literary translation, in particular “Sample, or Grammar”, which N. K. Dmitriev, a well-known turcologist, called a manual for a future translator [Dmitriev, p. 47].

In modern translatology, translation is most often viewed as a kind of intercultural mediated communication with the translator as the intermediary. The author of the original text appeals to his audience; the translator must deliver the original text to the other participants of the communication to the best of his competence, and his work will prove successful only if the act of intercultural communication is carried out without losses. N.K. Garbovsky defines translation as “dynamic bilingualism which presupposes a contact not only between two languages, but also between two cultures, and the translator accordingly is the place of contact not only of languages but also of two cultures” [Garbovsky, p. 316]. In recent years, researchers often aim to describe ways of preserving and transmitting various types of additional information implicitly contained in the original text (cultural background, connotative and expressive features of linguistic units, discursive and communicative, stylistic originality of the source text, etc.) in translation. This is especially important for fiction, which represents a kind of compression of the linguistic and cultural world-images.

However, after the 2000s there was practically no serious theoretical work in the sphere of translation studies. At present theory of translation is gradually moving to the field of criticism. Most of the research is devoted to specific issues of translation of the elements of a particular text from the language of one ethnicity into the language of another.

The purpose of this article is to consider peculiarities inherent in translation of Tatar poetry of the late twentieth and early twenty-first century into Russian, as well as to define general trends in the practice of translating poetic texts from Tatar into Russian at the present stage.

The world of contemporary Tatar poetry is very diverse: the poets who started publishing in the 1960s – R. Faizullin, R. Kharis, R. Akhmetzyanov, etc. – continue to create poems, poets of the late 1980s (Suleiman, Aymet, etc.) developed a

very interesting type of lyric poetry from the point of view of stylistics, “New Tatar poetry”, represented by Luiza Yansuar, Lenar Shaekh, Yulduz Minnullina, etc., stands apart from the mentioned above. As the researchers note, “we can distinguish between two periods in the poetry of the late twentieth century: the poetry of the period from the second half of the 1980s to early 1990s and the poetry of the late 1990s-2000s. The first period is characterized with an increasing interest in socio-political problems, the fate of the nation, which energized socio-political and civil lyric poetry. In the second period, the focus shifted to philosophical problems, reflections on the meaning of life, universal values, which in its turn energized philosophical lyric poetry” [Yusupova, Ibragimov, p. 118]. The period from 2001 to the present can be identified as the third. Contemporary critics emphasize that in recent years a lot of bright names have gained recognition on the literary Olympus. Describing the work of young Tatar poets, D. F. Zagidullina notes, “Tatar poetry at the turn of the twentieth and twenty-first centuries is characterized with a large scale of postmodern experiments” [Zagidullina, 2016, No. 4, p. 15]. In her other article, the Tatar literary critic writes that contemporary Tatar poetry “is characterized with blending of artistic principles, diversity and a wide range of experiments. The works by young poets of the early twenty-first century contain some phenomena that have become a discovery for Tatar literature” [Zagidullina, 2016, v. 158, p. 27].

By virtue of translations, wide readership has got access to Tatar lyric poetry in recent years. Despite the fact that at the beginning of the twenty-first century there appeared few theoretical works in the field of translation, there is a growing interest in the problem of translation from the languages of the Russian Federation, as evidenced by stepping-up the process of translation from ethnic languages since 2010. The following collections of poetry translations from the Tatar language are the most significant ones (not including numerous publications in Kazan and Moscow periodicals): “Contemporary Tatar Poetry” [Sovremennaiia tatarskaia poeziia]; “From Century to Century. Poetry of the Peoples, Using the Cyrillic Alphabet. Tatar Poetry” [Iz veka v vek]; “Anthology of New Tatar Poetry” [Antologiiia novoi tatarskoi poezii], “Tatar Train” [Tatarskii poezd]; Contemporary Poetry of Tatarstan in Nikolay Pereyaslov’s Translation” translation collections of poems by Suleiman – “Signs of Times” [Suleiman], Mirza – “Behind that

River” [Mirza], Lenar Shaekh – “Moments Got Lost in the Centuries” [Shaekh], et al.

Contemporary Tatar critics react sensitively to the appearance of each collection. For example, the leading Tatar literary critic T.N. Galiullin was one of the first to react in the newspaper “Татар дөнъясы” (“Tatar World”) to the appearance of a bilingual collection of poems by the Tatar poet L. Shaekh “Гасырда фасыллар буталган” (“Moments Got Lost in the Centuries”). He wrote about the special linguistic feeling of the young poet, about the abundance of different genres in Shaekh’s work, about his “ability to penetrate into the inner world of a hero”, about his attachment to his time and “to the future of his people” [Galiullin].

M. Safarov notes in his review of the collection of translated poems by L. Shaekh “One of Us”, “The collection is full of lyricism, purity, spring freshness. How accurately Lenar Shaekh’s poetry, his order of words and metaphors ran into the rich stream of the Tatar literary tradition. It is full of restrained, virtuous lyricism. Today you can rarely read such airy lines filled with love and affection in the Russian language” [Safarov, p. 48]. He also points out the talent of the contemporary translators Galina Bulatova and Alena Karimova, who managed “to transmit Lenar Shaekh’s language without spilling and any losses in the sense to the Russian reader [Ibid., p. 49].

In the article “The best day has not been lived yet!”, A. Nurislamova discusses both collections. Her attention is focused on the creative work of L. Shaekh, who is unusually open, according to her, “with his own, elevated, but at the same time confidential intonation” [Nurislamova, p.118]. While emphasizing the diversity of L. Shaekh’s lyric poetry and the peculiarities of his poetic language, A. Nurislamova does not dwell on the quality of the translations published in these collections. It might be explained by the fact that Galina Bulatova and Alena Karimova translated both collections.

In recent years, translators have started to pay their attention not only to poems written by maitres of Tatar poetry, but also to the ones written by the young poets who came to the literary forefront not so long ago. For example, the collection “Tatar Train” includes poems written by such famous Tatar poets as Razil Valeyev, Renat Kharis, Ramis Aymet, Zinnur Mansurov and Mukhammat Mirza, translated by Nikolay Pereyaslov, Secretary of the Board of the Russian Writers Union. Speaking about the peculiarities of this poetic collection,

A. Nurislamova stresses that “every poet – an engine driver of the Tatar train, – representing our republic (Tatarstan – E.N.) to the Russian reader, is unique, significant and bright in their own way [Nurislamova, p.114]. Along with positive aspects of N. Pereyaslov's translations, she also points out some shortcomings. She writes, “In the Moscow poet’s translation, the well-loved poems unfold in a new, unexpected way.” But speaking of Razil Valeev's poem “My Day” in particular, she emphasizes, “However, in Nikolai Pereyaslov’s translation, the famous poem sounds more somber and tragic [Ibid, p. 115].

“Anthology of New Tatar Poetry” includes the translations of young poets of the twenty-first century: Ruzal Akhmadiev, Bulat Ibragim, Luiza Yansuar, Gulnur Kurbanova, Lenar Shaekh, Aidar Dzhamal, etc. [Antologiiia novoi tatarskoi poezii].

The collections of 2015 were translated by the contemporary Russian poets, who actively work at translations both from ethnic and world languages, Viktor Kulle, Vladimir Gandelsman, German Vlasov, Nikolai Pereyaslov, etc. All the translators used the interlinear method. Contemporary poets of the Republic of Tatarstan, such as Sergei Malyshov, Roza Kozhevnikova, Liliya Gazizova, Vera Khamidullina, Alena Karimova and others, are also actively doing translations from Tatar.

Contemporary Tatar poetry attracts the attention not only of Russian translators, it is translated into the languages of the near abroad countries. For example, “Anthology of New Tatar Poetry” was published in the Azerbaijani language in 2016. The translators familiarized the Azerbaijani reader with the poems by Yoldiz Minunullina, Luiza Yansuar, Gulnaz Gazizova, Alena Karimova, etc. In the preface of the anthology, the authors note that they had been guided by “Anthology of New Tatar Poetry”, published in 2015 in Moscow. Nevertheless, the works of young Tatar poets were translated into Azerbaijani not only using Russian translations, but also from the original language [Yeni tatar şeiri antologiyası].

By virtue of the appearance of “Төрки әдәбият” (“Turkic Literature”) series in Tatarstan in 2015, Tatar readers had an opportunity to get acquainted with the literary works of the Turkic peoples living on the territory of the Russian Federation. Within the framework of this series, in particular, the poems by the Kyrgyz poet Omor Soltanov [Soltanov] and the Yakut poetess Nataliya Kharlampieva [Kharlamp'yeva] were published in the Tatar language. The small forewords prepared by L. Shaekh help us learn about the main themes

and motives of their creativity, plunge into their artistic world [Soltanov]. The books of the series “Turkic Literature” allow modern Tatar readers to come in contact with the unique world of poetry of the peoples living in the Russian Federation, whereas Kirghiz and Yakut readers, in their turn, can read the works of Tatar poets in their mother tongue.

The growing interest in Tatar literature in the world community is evidenced by the fact that in 2016 A. Karimova became the winner at the fifth literary festival “Open Eurasian Literature Festival & Book Forum” in the category “Literary Translation”. The poetess from Kazan translated the poem “Куттуу үйгө кабар айтпай, чакырtpай” (“The Northern wind came unexpectedly into your house”) by Narsuluu Gurgubayeva (Kyrgyzstan) [Nauchnaia khronika tiurkskogo mira, p. 281]. The high skill of young Tatar poets was recognized by the Russian-Italian literary prize “Bella”. The laureates of the nomination “Touch of Kazan” were L. Yansuar for her poem “Love, huge as the sky...” translated into Russian by Alena Karimova (Argamak, 2013, No. 4) and Yu. Minnullina for the poem “A Day as in a Dream” translated into Russian by German Vlasov (October, 2015, No. 8) [Khabutdinova, p. 52].

A translated text becomes part of national literature and performs the same role, but the degree of correspondence between the translation and the original literary text is changing with time. It is high at the stage of ethnic literature formation, when the latter is not yet sufficiently aware of its own identity and uniqueness. Thus, in the early twentieth century the number of translations of Russian poetry sharply increased in Tatar literature. These were basically so-called “free” translations, in which the distinctions between the original and the translator’s own creative work were blurred out. In 1930s, Tatar translators realized that a work chosen for translation has its own ethnic identity, which must be reproduced in translation.

Contemporary translation school is characterized with two features: using interlinear translations and self-translation, the latter is typical for bilingual poets. For example, the collection “Signs of Times” contains many poems by Suleiman translated by the author himself [Suleiman].

Most of the translators use the interlinear method to reproduce poetic texts, regardless of whether they live in Tatarstan or belong to the Moscow school. The main reason to use the interlinear method is the translator’s ignorance of the source language, which forces him to turn to an-

other translator for help in doing literal translation first. Interlinear translation usually emasculates the original, because the figurative system of the latter is not reducible to its vocabulary. At the same time, it leaves room for the translator's imagination, supported mainly by the key words and storylines of the original text. Therefore, interlinear and "free translation" are interrelated phenomena.

Interlinear translations encourage translators to use their "own" understanding in explaining a "foreign" thought thus achieving the unity with the latter. However, in most cases an interlinear translation leads to unification of the differences of the literatures coming in contact.

Below is the contrastive analysis of contemporary Tatar poetics translations based on an interlinear translation and those based on the original text.

As an example, we analysed the poem "Бу тәрәзә" ("Window") by Suleiman (translated by L. Gazizova). Contemporary translators are usually able to transfer many formal features of the poetry of Tatar authors in terms of their rhythm and rhyme. They aim for equivalence of lines and rhythm, try to follow not the word, but not the spirit of the original.

In the translation of the poem "Бу тәрәзә" ("Window") the poet-translator L. Gazizova "adjusts" Suleiman's verse to the Russian reader [Suleiman, p.23]. Her poem is structured on the canons of traditional Russian versification. Suleiman's poem is divided into two stanzas (the first stanza consists of 11 short lines, the second stanza comprises 9 lines). The translation is presented in two quatrains. The thoughts, which were only outlined in Suleiman's poem with dots, are expressed straightforwardly in the translation; the density of the word and the inner saturation of the original disappear.

The table presents the comparison of the second stanza of Suleiman's poem and its Russian translation:

Берәү капкачларын япты: кара – кара, агы да кара, караңгы – караңгы, яктысы да караңгы... Бер таш тиде – челпәрәмә килде: нәкъ минем күңелем инде... [Suleiman, p. 19].	Но кто-то закрыл дорогое окно. И белый свет черным отмечен. А кинули камень – разбилось оно... Душа вся – зигзагами трещин [Suleiman, p. 23] (translated by L. Gazizova).	But someone closed the dear window. And the white light is marked with black. When they threw a stone – the window broke. All the soul is zigzagged with cracks (the literal translation of the Russian version).
--	---	---

The translator joins the dialogue with the Tatar poet and brings the thoughts, hidden behind the ellipses of the original to the logical conclusion. Suleiman repeats the word "кара" ("black") several times, it is important for him to create the atmosphere of emptiness that surrounds the lyrical character. In the translated poem, this atmosphere is preserved by combining incompatible concepts: "И белый свет черным отмечен" ("the white light is marked with black"), but at the same time it creates the sense of complete hopelessness in the translation, which is not felt in the original. Interestingly, Suleiman writes about the shutters with which the window was closed, while Gazizova only uses the epithet "дорогое" ("dear") (window) in translation. It is also important to note that in the translation the window breaks, whereas in the original it does not.

Suleiman's poetic thought is characterized with depth and originality of its expression in a verse. Reading his works makes us recall the poems by Derdmend, the Tatar poet of the early of twentieth century. Suleiman uses pithy symbols in his poems; his language is concise and laconic, but filled with inner meaning. "Suleiman's poems are rich in metaphorical comparisons and epithets, original tropes and occasional words. For example, "тормыш – көтүче курае" ('life is a shepherd's kurai'); "Тарихка чигелә каберләр – гүяки капчыкка ямаулык" ('and graves are patches of the Earth') (translated by the author), "күк һәм жир – тегермән ташлар" ('heaven and earth are millstones'), etc." [Nagumanova, p. 234].

Suleiman is a bilingual poet, who has the opportunity to speak to the reader both in Tatar and in Russian. So we are interested in how the original poetics of Suleiman is reflected in his own translations.

Here is one more poem by Suleiman:

Жиһан – берни түгел, – Олы бер көй. Дөнъя – берни түгел, – Олы бер мон. Гомер – берни түгел, – Гади бер шәй. Адәм – берни түгел, – Гади бер жөй. Мәңгелек Тың. Мәңгелек Тың. Мәңгелек Тың	Вселенная – ничто, – Звуков вихрь. Мир суетный земной – Только ветер. И жизнь сама – ничто, – Грусти сонм. И человек – ничто, – Сгусток волн. А вихря твердь – три вещей вещи: покая круг,	The universe is nothing, – A whirlwind of sounds. The mundane and earthly world Is just a wind. And life itself is nothing, – A swarm of sorrows. And the man is nothing, – A bunch of waves.
---	---	--

[Suleiman, p. 50].	и жизни вдох, и вечный дух... [Suleiman, p. 56] (translated by the author).	And the firmament of the whirlwind consists of three prophetic things: The circle of quiet, And the inhale of life, And the eternal spirit... (literal translation of the Russian version).
--------------------	---	--

The Tatar poem is based on parallelism. The poet uses combinations of short six- and tetrasyllabic lines.

These features were completely transferred into the Russian language. The Tatar poem consists of 11 lines (8+3). Preserving the rhythmic and stylistic image of the first 8 lines in Russian, Suleiman finds a very successful way of conveying the meaning of the last three lines, which evidently cannot be understood by the reader if translated literally. He increases the number of lines, resorts to the sound repetition (*"mpu veshch veshchi"* – *'triveshchikh veshchi'* (three prophetic things)), each successive line fixes the limit to which the man goes: peace – inhale – the eternal spirit.

This poem has the bright features characteristic of modern avant-garde poetics: accented rhythm, free usage of poetic metres (the poem combines iambus and trochee). The translation becomes an example of the embodiment of Suleiman's original poetics in the Russian language and occupies its niche in contemporary literature.

As a result of interaction between ethnic languages and cultures, there appears a "double parallel perception of the ethnic and "foreign" systems of views of phenomena and the objective world; it (perception) should have a connection with bilingualism or monolingualism in speech development in one form or another" [Vygotsky, p. 336]. A bilingual person's parallel perception of cultures contributes to the formation of a special view of the surrounding reality. A bilingual person first of all resorts to universal culture codes, singles out concepts that can participate in the interpretation of other cultural concepts.

Cultures differences always present certain difficulties in communication, therefore the translator, who perceives a "foreign" world, strives not for literal accuracy, but for adequacy. Understanding the original text involves interpreting the basic principles of the source language, revealing the au-

thor's individual features and mind-set. The translated text not only influences the recipient, but is itself exposed to the influence of a different culture. As the contemporary translator Alena Karimova notes, "when we begin to translate anything, we <...> are forced to live a piece of life in a different reality, in a different time, in other circumstances" [Karimova, p. 43].

The translator establishes a relative balance between the translation and the original on the basis of their linguistic and cultural experience, to the best of their creative potential. Successful translations can expand the readership of the original and meet the needs of the readers having no knowledge of the source language. Translations created with no regard for the spirit of the original, on the contrary, can alienate the Russian-speaking reader and cast doubt on the poet's talent.

This can be noticed in the translations of some young Tatar poets' works into Russian in "Anthology of New Tatar Poetry" (October, 2015), in which the translations are done by Russian poets. In this case, it is important to see how ambiguously Russian-speaking readers can perceive poetry of a different ethnicity; it is important to capture the remains of the Tatar poetry school in translations. Modern critics can give an ambiguous assessment to the translations presented in "Anthology...": although they successfully transfer the poetic thought of the Tatar authors, the language culture of a different ethnicity is represented very schematically in the translations. In our opinion, the number of unsuccessful translations in "Anthology..." exceeds the number of successful ones [Antologiiia novoi tatarskoi poezii].

We use the translations of Luiza Yansuar and Lenar Shaekh's poems as examples.

Luiza Yansuar is a talented poetess and an interpreter, combining creative work with teaching. In "Anthology ..." her poems are presented in the translation of the young poet, prose writer, and essayist Vadim Muratkhonov. The poem "Кешеләр" ("People") has original poetics [Antologiiia novoi tatarskoi poezii, p. 129]: Yansuar divides the poem into two parts, the second part consists of two stanzas, in which the meaning of human life is reduced to approaching death, therefore, it is so important for the lyrical heroine to find her beloved on earth, as people are not able to overcome eternity. In the second part, the poetess refuses to use capital letters, and it slows down the process of reading. We see the lyrical heroine's stream of consciousness. All these features are recreated in the Russian translation. The free translations of Yansuar's po-

ems present an attempt to combine the philosophy of her poetry with Muratkhanov’s original poetics (critics called the language of his verse Russian, but seen in a strange Turkic perspective: the poet is one of the founders of the Tashkent poetry school).

One of the problems of literary translation is the possibility of conveying the ethnic identity of the original. The internal specificity of the national color is associated with the native language. Each language has its own specific features, inherent only in it. The wider writers use the features of their native language, the more difficult it is to translate their works into another language. Specific features inherent in the language are most clearly manifested in translation when it is based on the comparison of the two language systems. The difficulties that the translator inevitably encounters can be overcome only after having mastered all the laws of these languages.

Unfortunately, we did not see it in the translations of Lenar Shaekh’s poems by Vladimir Salimon. Below are the original of the poem “Яратам!..” (“I love”) along with the translation by G.Bulatova provided to help understand the poem).

Урамда ап-ак кар сибәли, Әйләнәм ак карлар тирәли. Очам мин, очам мин – тар-ра-там, Яратам, яратам, яратам!..	Әйләнәм, әйләнәм – тар- ра-там, Яратам, яратам, яратам!.. Урамда ак бәхет сибәли, Тирбәләм ак карлар тирәли. Мин бүген бәхетле – тар- ра-там, Яратам, яратам, яратам!.. [Shaekh, p. 8].
--	--

Я люблю! Я люблю! Я пою по утрам. Сыпет снег за окном. Тар-ра-там, тар-ра-там!	Снегопад на дворе, снегопад, Я лечу, этой снежности рад, И с восторгом снежинки ловлю: Я люблю, я люблю, я люблю!
Снег кружится весь день. Тар-ра-там, тар-ра-там! Я люблю! Я люблю! Снег с дождем пополам.	Снегопад на душе, снегопад, Как жемчужно снежинки парят! Вместе с ними кружусь и пою: Я люблю, я люблю, я люблю!
Или легкий, как пух, Чистый мягкий снежок, тар-ра-там, тар-ра-там, мне попал на зубок! [Antology of New Tatar Poetry, p. 187] (translated by Vladimir Salimon).	Снегопад – ах, какой сне-

	гопад, Я плыву по снегам наугад И, счастливый, из снега леплю: Я люблю, я люблю, я люблю! [Shaekh, p. 8] (translated by Galina Bulatova).
I love! I love! I sing in the mornings. It is snowing outside the window. Tar-ra-tam, tar-ra-tam!	Snowfall is outside, snowfall. I am flying, glad with this snowiness, And catching snowflakes with delight: I love! I love! I love!
Snow has been swirling all day long. Tar-ra-tam, tar-ra-tam! I love! I love! Snow with rain in half.	Snowfall is the soul, snowfall. How pearly the snowflakes are hovering! I am spinning and singing with them: I love! I love! I love!
Or light as a feather Pure soft snow, Tar-ra-tam, tar-ra-tam, Got on my tooth (the literal translation of the Russian version).	Snowfall – oh, what a snowfall, I am swimming through the snow blindly And molding with the snow happily: I love! I love! I love! (literal translation of the Russian version).

Vladimir Salimon, who does not speak the source language, is trying to create some illusion of being close to Shaekh’s poetics by preserving an unfamiliar word and repeating it in each stanza: “Тар-ра-там, тар-ра-там” (“Tar-ra-tam, tar-ra-tam”). This makes the Russian text an example of an easy verse, devoid of any meaning. Such translations done by young poets undermine the whole impression produced by contemporary Tatar lyricism. There are many examples of such translations in “Anthology of New Tatar Poetry”.

Undoubtedly, it is important for each poet to find their “own” translator who feels deeply all the features of the language and is able to convey many nuances of the original work. One of the breakthroughs of 2016 was the appearance of Lenar Shaekh’s poetry collections in translations of two talented poetesses: Galina Bulatova and Alena Karimova [Shaekh]. As Alena Karimova writes in the article “Translation as a Sacred Duty”, “young poets more often write free verses, expressing pure feelings, having vivid imagery, only slightly based

on “earthly” logic. Translating them is easier in a sense, because they initially contain style keys related to contemporary Russian poetry; and here we do not have to answer the question what to focus on, and what Russian context “to insert” these texts in. However, there are some pitfalls here too: there is a risk of losing ethnic identity, sight, accents, and a subtle plane of existence, no matter how pathetic it may sound... <...> In contrast to classical works, translation of contemporary poetry requires fundamentally different approaches” [Karimova, p. 40-41].

Galina Bulatova has a “feminine” view of Shaekh’s poem, she does not strive for literal translation, it is more important for her to recreate the atmosphere of great joy in the soul of Shaekh’s lyric hero in Russian. Despite many deviations from the original text, the translator aims to recreate the formal features of the poem in the Russian language: rhyme, repetition of words. She is able to find such Russian expressions that enable the translation to convey the poetics of the original without literalism or excessive liberty.

The particularity of culture in some cases makes it impossible to translate a work of art into the language of a different culture. Modern scholars note that non-translatibility reveals itself in the “points of contradiction” of languages, “moments of contrast”, in which “languages act in fundamentally different ways, so that no contact can be found between them” [Smirnov, p. 39]. The phenomena reflecting the contrast between creative works, primarily non-translatibility, reveal their identity and uniqueness.

The identity of contemporary Tatar poets is sometimes not as pronounced as, for example, those of G. Tukay and Sh. Babich, but the superindividual nature uniting ethnic literature can be clearly traced in the lyrics of both “senior poets” included in the collection “Tatar Train” and young poets.

In this case everything depends on the linguistic feeling of the poetry translator. If the translator is able to see the subtlest shades of the other person’s words, the translated work, included in a different poetic space, continues to bear the echo of the “foreign” culture, being at the same time understandable for the Russian-speaking reader (for example, Suleiman’s translations). If this does not happen, the identity gets completely lost in translation.

M. K. Popova notes that we need to “see the study of the problem of ethnic identity as a path leading to a better understanding of a literary

work”, “all its components: ideological richness, the artistic world, its elements including a system of characters and their images, as well as artistic details” [Popova, p. 48]. For example, the ethnic identity of the Tatar poet Aymet in the poem “Төш” (“Dream”) is manifested primarily in the use of facts of Tatar history and mentioning the names of Tatar literature representatives: Sagit Ramiyev, Gayaz Iskhaki. N. Pereyaslov’s translation preserves Aimetov’s main idea about the past and present of the Tatar people, but the Russian poet does not deeply feel the tragedy of Tatars, therefore some lines are translated not quite adequately:

Туар микән татар иртәсе бер,
Коеһыр микән кабат данында?
(literally: Will the morning of Tatars rise once, // Will they bask in the glory again?).

...так татар вечно точит и гложет
мысль о славе за далями лет [Tatar Train: Contemporary Poetry in Nikolay Pereyaslov’s translation, p. 62].

(literally: ... thus the idea of glory in distant future always gnaws and bothers Tatars).

Knowing the centuries-old history of the Tatar people, it is impossible to perceive Pereyaslov’s translation of these lines as a successful version of recreating the features of the original poem. It seems that the Tatar ethnos lives only by the idea of glory. It is important that Aymet’s poem has references to the works of Tatar classics: S. Ramiev’s poem “Таң вакыты” (“The Dawn”) (1908) [Ramiyev] and G. Iskhaki’s novel “Ике йөз елдан соң инкыйраз” (“The End of the World Will Come in Two Hundred Years”) (1902-1904) [Iskhakii]; they create the general atmosphere of the past and connect the history of the Tatars of the early twentieth century to the modern era; these aspects are lost in the Russian translation.

However, this does not affect the general quality of the translations, because N. Pereyaslov finds interesting forms in Russian to transfer the poetics of the Tatar versification adequately: this is manifested at the level of composition, euphony, and rhythmic organization of the work. We should not forget that the translations are aimed at the Russian reader. “While for the Tatar reader the fate of their people and homeland is an unconditional value and usually occupies the first place in poetry”, “the Russian modern reader will regard such grandiloquence as insincerity, a tribute to the political conjuncture”, writes Alena Karimova [Karimova, p. 39].

The review of the Tatar poetry translations showed the high level of the contemporary translation school in Tatarstan. According to the results of the analysis, it is more difficult for translators to convey the poetics that do not fit into the traditional paradigm (for example, in Suleiman's works). Russian-speaking readers got the chance to get familiarized with his poems only thanks to his own translation. In other cases, Tatar poetry finds its reader thanks to the translators who have a good linguistic feeling and are familiar with the cultural peculiarities of the Tatar ethnos. Translations based on the interlinear method can be assessed ambiguously: on the one hand, they become equivalent to the original in the host culture, on the other hand, numerous inaccuracies can undermine the image of Tatar poets of the early twenty-first century and their skills. It all depends on the translator's proficiency.

References

- Aitmatov, Ch.A. (1972). *Materialy V s"ezda pisatelei SSSR (26.06.1972). Piatyi s"ezd pisatelei SSSR. Stenograficheskii otchet* [Proceedings of the 5th Congress of Writers of the USSR (26.06.1972). The 5th Congress of Writers of the USSR. Verbatim Report]. Pp. 82–85. Moscow, Sovetsky pisatel'. (In Russian)
- Antologiya novoi tatarskoi poezii* (2015) [The Anthology of New Tatar Poetry]. 288 p. Moscow, Zhurnal Oktiabr'. (In Russian)
- Əmirkhan F. (1986) *Tərəcəmə – təfsir* [Translation – Interpretation]. Əsərlər: dyrt tomda. 4 t.: Ədəbiyat-səngat' tənkyte, biografik materiallar, khatlar. 156–159 pp. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)
- Chukovskiy K. I. (2008). *Vysokoye iskusstvo* [High Art.]. 448 p. St. Petersburg, Avalon". (In Russian)
- Dmitriev, N. K. (1948). *Kaium Nasyiri – filolog* [Qayum Nasiri as a Philologist]. Kaium Nasyiri: tuuyuna 120 el tuluga bagyshlangan gyl'mi sessiia materiallary. Pp. 41–61 b Kazan, Tatgosizdat. (In Russian)
- Eko, U. (2006). *Skazat' pochti to zhe samoe. Opyty o perevode* [Saying Almost the Same Thing: Experiences in translation]. 574 p. St. Petersburg, Simpozium. (In Russian)
- Fedorov, A. V. (2002). *Osnovy obshchey teorii perevoda* (lingvisticheskiye problemy): ucheb. posobiye dlya in-tov i fak-tov inostr. yazykov [Fundamentals of the General Theory of Translation (Linguistic Issues): A Textbook]. 416 p. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU; Moscow: Izdatel'skiy Dom «FILOLOGIYA TRI». (In Russian)
- Gachechiladze, G. (1980). *Khudozhestvennyi perevod i literaturnye vzaimosviazi* [Literary Translation and Literary Interrelations]. 225 p. Moscow. (In Russian)
- Galiullin, T. (2016). *Melodii dushi poeta* [Melodies of the Poet's Soul]. Tatar dən'iasy (Tatarskii mir). No. 11, p. 11. (In Russian)
- Galiullin, T. N., Khabutdinova, M. M. (2014). *Zapadnoevropeiskaia klassika v perelozheniakh Tukaia* [Western European Classics: G. Tukay's Translations]. Tatarica. No 2, pp. 55–60. (In English and Russian)
- Garbovskii, N. K. (2004). *Teoriia perevoda* [Translation Theory]. 544 p. Moscow, Izdatel'stvo MGU. (In Russian)
- Girivenko, A. N. (2002). *Iz istorii russkogo khudozhestvennogo perevoda pervoi poloviny XIX veka. Epokha romantizma* [From the History of Russian Literary Translation of the first half of the nineteenth century. The Era of Romanticism]. 280 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)
- Ibrahimov, G. (1978). *Tərəcəmə həm anyñ shartlary. Əsərlər: Ədəbiyat həm səngat' turynda məkalələr, khezmətlər (1910–1933)* [Translation and Its Conditions. Essays: Articles about Literature and Art (1910–1933)]. Vol. 5, pp. 38–41, Kazan. (In Tatar)
- Iskhakii, Gaiaz. (1997). *Ike yöz yeldan soñ inkyryaz: (Publitsistik-fantastik povest')* [Inquires: Two Hundred Years Later: (Nonfiction-Fiction Novel)]. Miras. No. 2, pp.107–137, No 3, pp. 124–153. (In Tatar)
- Iz veka v vek. Poeziya narodov kirillicheskoy azbuki. Tatarskaya poeziya* (2010) [From Century to Century. Poetry of the Peoples, Using the Cyrillic Alphabet. Tatar Poetry]. 703 p. Moskva – Kazan'. (In Russian)
- Iusupova, N. M., Ibragimov, M. I. (2012). *Sovremennaiia tatarskaia poeziia. Natsional'nye literaturny respublik Povolzh'ia (1980–2010 gg.): kollektivnaia monografiia / nauch. red. V. R. Amineva* [Contemporary Tatar Poetry. Ethnic Literatures of Volga Region Republics (1980–2010). Multi-authored Monograph. Edited by V. R. Amineva]. Pp. 118–123. Barnaul, IG Si-Press. (In Russian)
- Karimova, A. (2014) *Perevod kak sviashchennaia obiazannost'. Kazanskii al'manakh* [Translation as Sacred Duty. Kazan Almanac]. No 12, pp. 34–43. Kazan. (In Russian)
- Khabutdinova, M. M. (2016). *Kasanie Kazani: gorizonty razvitiia sovremennoi tatarskoi poezii* [The Touch of Kazan: the Horizons of Contemporary Tatar Poetry Development]. No 6, pp. 52–54. Kazan, Idel'. (In Russian)
- Kharlamp'yeva N. (2016). *Közge yañgyrlar: shigyr'lar* [Autumn Rains: Poems] (yakutchadan L. SHəekh, A. Zaripova, A. Galiyeva, G. Shihapova, R. Səlakh tərj.). 94 p. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)
- Levin, Yu. D. (1985). *Russkii perevodchiki XIX veka i razvitie khudozhestvennogo perevoda* [Russian Translators of the 19th Century and the Development of Fictional Translation]. 299 p. Leningrad. (In Russian)
- Mirza, M. M. (2011). *Za toi rekoi: rubai = Yelganyñ ar-gy yagynda: robagyylar* (per. s tatar. N. V. Pereyaslova) [Behind that River]. 190 p. Kazan, tatar. kn. izd-vo. (In Russian)
- Nagumanova, E. F. (2016). *Stikhotvorenie Suleimana "Ətiem" v russkikh perevodakh. Filologiya i kul'tura* [Suleyman's Poem "Ətiem" In Russian Translations. Philology and Culture]. No 4 (46), pp. 232–236. Kazan. (In Russian)

- Nauchnaia khronika tiurkского mira. Tatarika* (2016) [Scientific Chronicles of the Turkic World. Tatarica]. No 2, pp. 276–281. Kazan. (In English and Russian)
- Nurislamova, A. (2016). *Luchshii den' eshche ne prozhit! Kazanskii al'manakh: Almaz* [The best day has not been lived yet! Kazan Almanac: Almaz]. Pp. 118–122. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)
- Nurislamova, A. (2016). *Poeticheskii poezd. Kazanskii al'manakh: Almaz* [The Poetic Train. Kazan Almanac: Almaz]. Pp. 114–118. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)
- Poetika perevoda: sbornik statei* (1988) [Poetics of Translation: Collection of Articles]. 238 p. Moscow, Raduga. (In Russian)
- Popova, M. K. (2001). *Problema natsional'noi identichnosti i literature. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1: Gumanitarnye nauki* [The Problem of Ethnic Identity in Literature. Proceedings of Voronezh State University. Series 1: Humanities]. No 2, pp. 45–48. Voronezh. (In Russian)
- Rəmiyev, S. (1980). *Taḥ vakyty: Shigyr'lər, khikəyalər, səkhnə əs., publitsistika* [The Time of Dawn: Poems, Stories, Journalism]. Təz., keresh syz yazuchy S.H. Sadretdinov. 272 p. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)
- Safarov, M. (2016). *Odin iz nas.* [One of Us]. Idel', pp. 48–49. Kazan. (In Russian)
- Savory, Th. (1957). *The Art of Translation.* 159 p. London. (In English)
- Səyfi-Kazanly, F. (1914). *Tərxəmətə babynda təjribəlar* [Women's Practice of Translation]. Tənkyyt', No.4, pp. 83–85; No. 5, pp.103–104; No. 8, pp. 165–167; No 9, pp. 180–182. (In Tatar)
- Shaekh, L. M. (2016). *Zabludilis' mgnoven'ia v vekakh: stikhotvoreniia* [Moments Got Lost in the Centuries: Poems]. 335 p. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Tatar and Russian)
- Smirnov, A. V. (2010). *Mozhno li strogo govorit' o neperevodimosti?* Gumanitarnye chteniia RGGU-2009: Teoriia i metodologiya gumanitarnogo znaniia. Gumanitarnoe znanie i obrazovanie: Sbornik materialov [May We Seriously Speak about Non-Translatability? Humanitarian Readings of Russian State University for the Humanities 2009: Theory and Methodology of Humanities. Humanities and Education: Collection of Works]. Pp. 37–54. Moscow, Russian State University for the Humanities. (In Russian)
- Soltanov, Omor Soltan uly. (2015). *Yoldyzly tənnər: shigyr'lər* [Starry Nights] (kyrgyzchadan L. SHəekh, R. Səlakh tərj.). 95 p. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)
- Suleiman. (2014). *Vakyt kasəse: Poema həm shigyr'lər* [Signs of Times: The Poem and Verses]. 111 p. Kazan, Megarif-Vakyt. (In Tatar)
- Suleiman. (2014). *Znaki vremen: Poema i stikhi* [Signs of Times: The Poem and Verses]. 127 p. Kazan, Megarif-Vakyt. (In Russian)
- Tatarskii poezd: sovremennaia poeziia Tatarstana v perevodakh Nikolaia Pereiaslova* (2015) [Tatar Train: Contemporary Poetry of Tatarstan in Nikolay Pereyaslov's Translation]. 124 p. Moscow. (In Russian)
- Vygotskii, L. S. (1983). *Myshlenie i rech'. Sobr. soch. v 3-kh t.* [Thinking and Speech. Collection of Essays in 3 Volumes]. 435 p. Moscow. (In Russian)
- Zagidullina, D. F. (2011). *Istoriia nauki o literature u tatar: uchebnoe posobie* [History of Tatar Literature Studies: Study Guide]. 132 p. Kazan: Kazan University Publishing House. (In Russian)
- Zagidullina, D. F. (2016). *Postmodernizm v tatarskoi poezii: poetika fragmentarnosti // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Postmodernism in the Tatar Poetry: Poetics of Fragmentariness. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. No 4. Part 1, pp. 15–17. Tambov, Gramota. (In Russian)
- Zagidullina, D. F. (2016). *Postmodernizm v tatarskoi poezii: poetika illiuzornosti.* Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya gumanitarnye nauki [Postmodernism in the Tatar Poetry: Poetics of Illusiveness]. Vol. 158 (Book 1), pp. 27–36. Kazan, Kazan University Publishing House. (In Russian)
- Yeni tatar şeiri antologiyası* (2016) [New Tatar Anthology of Poetry]. 232 p. Bakı, “Hədəf” Nəşrlər Evi. (In Azerbaijani)

СОВРЕМЕННАЯ ТАТАРСКАЯ ПОЭЗИЯ В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Эльвира Фирдавильевна Нагуманова,
Казанский федеральный университет,
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18,
ehlviran@yandex.ru.

В данной статье впервые предлагается обзор переводов стихотворений современных татарских поэтов на русский язык; определяются общие тенденции в практике перевода стихотворных текстов с татарского языка на русский. Как показывает проведенное исследование, в начале XXI века возрастает интерес к переводам с национальных языков, о чем свидетельствует появление многочисленных сборников переводов с татарского языка, выпущенных как в столич-

ных издательствах (к примеру, «Антология новой татарской поэзии»), так и казанских (сборники переводов стихотворений Сулеймана, Мирзы, Ленера Шаеха и др.). Существенно отличается качество переводов в сборниках, где представлены переводы, выполненные с оригинала, и переводы, созданные по подстрочнику. Анализ переводных произведений позволяет прийти к выводу о том, что современные переводчики находят интересные формы в русском языке для адекватной передачи поэтики татарских стихотворений, однако многие образцы современной татарской лирики оказываются труднопереводимыми на другие языки.

Ключевые слова: современная татарская поэзия, перевод, оригинал, русский язык, поэтика, идентичность.

Перевод – это сложное многогранное явление, отдельные аспекты которого становятся предметом исследования разных наук. В рамках переводоведения изучаются литературоведческие, психологические и другие стороны переводческой деятельности, а также история перевода.

С начала XX века начинают публиковать исследования и практические пособия, в которых на материале разных языков углублялись знания о переводе, раскрывались принципы и приемы переводческой деятельности (работы А. Федорова [Федоров], К. Чуковского [Чуковский], А. Гиривенко [Гиривенко], К. Левина [Левин] и др. В татарском литературоведении первые значимые теоретические обобщения в области перевода появились также в начале XX столетия. Д. Ф. Загидуллина в своих исследованиях так характеризует этот процесс: «Если до 1907 года преобладали переводы с восточных языков, то с 1907 по 1911 гг. меняется ориентация с восточной литературы на русскую. Татарский читатель имел возможность познакомиться с произведениями классиков русской литературы (Л. Н. Толстой, А. С. Пушкин, И. С. Тургенев, А. И. Куприн, Н. В. Гоголь, А. П. Чехов и др.) и зарубежных авторов (Д. Дефо, В. Гюго, Ж. Верн, М. Твен, Мольер и др.)» [Загидуллина, 2011, с. 79]. К этому времени успело сформироваться новое поколение переводчиков: С. Рахманколы, И. Богданов, В. Ахмадуллин, Г. Керам, В. Апаев. И. Казаков. Наряду с ними в эту работу активно включились писатели: Г. Тукай, Ф. Амирхан, Г. Камал, С. Рамиев, Г. Исхаки, Г. Рахим. Они ставили своей целью познакомить татарского читателя с произведениями представителей мировой литературы. Вступая в диалог с иноязычным автором, татарские писатели не стремились к дословности, создавали творческие переложения. Как пишут Т. Н. Галиуллин и М. М. Хабутдинова в статье «Западноевропейская классика в переложениях Тукая», «творческие переложения произведений Шекспира, Ге-

те, Гейне, Байрона несут отпечаток поэтической индивидуальности самого Г. Тукая» [Галиуллин, Хабутдинова, с. 59].

Как показывают исследования, переводы не носили односторонний характер. Представители разных слоев русского общества с интересом наблюдали за процессом изменения в общественно-духовной жизни татарского народа, эволюцией татарской литературы. В русской периодической печати появлялись не только обзорные статьи о состоянии татарской национальной литературы, но и переводы произведений татарских писателей, вставших на путь обновления литературных традиций: Г. Исхаки (1878–1954), Г. Тукай (1886–1913), С. Рамиева (1880–1926). Это способствовало появлению первых теоретических исследований в области переводоведения (Г. Ибрагимов [Ибрагимов], Ф. Амирхан [Амирхан], Ф. Сайфи-Казанлы, [Сайфи-Казанлы]).

Теодор Сэвори, автор книги «Искусство перевода», писал: «Каждый, кто интересуется языком, не может долго удерживать свой интерес в пределах родного языка, и как только мысль его обращается к словам и выражениям, которыми пользуются в других странах, он оказывается лицом к лицу с проблемами перевода. И как только он начинает разбираться в существе этих проблем, он почти сразу же попадает в сети восхищения ими. Их привлекательность заключена в их сложности, в многообразии попыток, которые делались для того, чтобы преодолеть трудности перевода, и в том, что не существует конечных и универсально приемлемых решений» [Savory, с. 35]. Переводчик, как и автор переводимого им произведения, «мыслит» образами, находится в поисках и реализации языковых, композиционных и других соответствий этим образам. По словам Г. Гачечиладзе, «перевод всегда есть отражение художественной действительности подлинника, однако он не менее действителен, чем любое оригинальное произведение» [Гачечиладзе, с. 253–254]. Отличие деятельности переводчика

от оригинального творчества заключается в его зависимости от предмета перевода, который необходимо воспроизвести на другом языке. Г. Ибрагимов так определял задачи, стоящие перед переводчиком: он должен не только постичь авторский замысел, но и понять ход мыслей и мир чувств писателя, чтобы перевод не противоречил оригиналу [Ибрагимов, с. 40].

Цель переводчика в том, чтобы создать произведение, несущее художественное впечатление, аналогичное оригиналу. В статье «Стиховые структуры лирического текста и поэтический перевод» С. Гончаренко отмечает, что «переводчик должен стремиться в первую очередь к передаче концептуального смысла и эстетической информации, жертвуя в случае необходимости фактуально-смысловую эквивалентностью» [Поэтика перевода, с. 110]. Перевод, по словам У. Эко, «всегда возможен, если текст-источник был интерпретирован со страстным соучастием...» [Эко, с. 439].

В русской литературе традиционно золотым веком перевода называют XIX век, именно в этот период появляется множество переводов с иностранных языков, в литературу приходит практика вольных переводов. Как пишет А. Н. Гиривенко, в эпоху романтизма «...перевод понимается как „свой“ национальный вариант оригинала, и тогда вся эпоха романтизма – есть не что иное, как уникальный этап переработки „чужих слов“ в „свои-чужие слова“. Это своего рода творческое присвоение, творческая адаптация чужого. Присвоением литературы пушкинской эпохи обозначали культурное функционирование перевода в литературном контексте, перевода, понимаемого как „свой“ национальный вариант оригинала» [Гиривенко, с. 47].

В XX веке русский язык стал важным средством выражения национальной культуры, выполняющим роль языка-моста, «соединившего впервые в истории, – по образному выражению Ч. Айтматова, – художественные берега народов, незадолго до этого не знавших о существовании друг друга» [Айтматов]. Естественно, что это повлияло на внутренний потенциал самой русской литературы – она обогащается за счет переводов из национальных литератур.

Как уже было сказано выше, в татарской литературе теоретические обобщения в области перевода стали появляться в начале XX века, хотя значительный вклад в развитие переводческого дела еще внес К. Насыри. Им были представлены в XIX веке первые работы в области

художественного перевода, в частности «Образец, или Грамматика» («Нәмүнә, яки Әнмүзәж»), который известный тюрколог Н. К. Дмитриев назвал учебником будущего переводчика [Дмитриев, с. 47].

В современном переводоведении перевод чаще всего рассматривается как вид межкультурной опосредованной коммуникации, посредником в которой является переводчик. Автор текста оригинала обращается к своей аудитории, переводчик в силу своей компетенции должен донести подлинник до остальных участников коммуникации, и только тогда его труд окажется успешным, когда акт межкультурной коммуникации осуществится без потерь. Н. К. Гарбовский определяет перевод как «билингвизм динамический, при котором в контакт вступают не только два языка, но и две культуры, а переводчик соответственно является местом контакта не только языков, но и двух культур» [Гарбовский, с. 316]. В работах последних лет по переводоведению исследователи чаще всего ставят задачу описать способы сохранения и передачи разнообразной дополнительной информации, имплицитно содержащейся в тексте оригинала (культурный фон, коннотативно-экспрессивные особенности языковых единиц, дискурсивно-коммуникативное и жанрово-стилистическое своеобразие исходного текста и т. д.) в переводе. Особенно это важно для произведений художественной литературы, которые представляют собой своеобразную компрессию языковой и культурной картин мира.

Однако после 2000-х годов серьезных теоретических работ по переводоведению практически не было, в настоящее время теория перевода все больше смещается в область критики. Большинство исследований посвящается конкретным вопросам перевода отдельных элементов текста с одного национального языка на другой.

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей перевода татарской поэзии конца XX – начала XXI века на русский язык, определение общих тенденций в практике перевода стихотворных текстов с татарского языка на русский на современном этапе.

Мир современной татарской поэзии весьма многолик: продолжают творить поэты, начавшие публиковаться еще в 1960-е годы – Р. Файзуллин, Р. Харис, Р. Ахметзянов и др., появилась и весьма интересная с точки зрения стилистики лирика поэтов, вошедших в литератур-

ный процесс в конце 1980-х годов (Сулейман, Аймет и др.), особняком стоит «новая татарская поэзия», представленная именами Луизы Янсуар, Ленара Шаеха, Юлдуз Миннуллиной и др. Как отмечают исследователи, «в поэзии конца XX века можно выделить два периода: поэзия второй половины 1980-х – нач. 1990-х гг. и поэзия конца 1990-х – 2000-х гг. Для первого периода характерно возрастание интереса к социально-политическим проблемам, к теме судьбы нации, что находит отражение в активизации социально-политической и гражданской лирики. Во второй период усиливается философское начало, размышления о смысле жизни, общечеловеческих ценностях, что проявляется в активизации философской лирики» [Юсупова, Ибрагимов, с. 118]. С 2001 года по сегодняшний день можно выделить третий период. Современные критики подчеркивают, что в последние годы на литературном Олимпе засияло множество ярких имен. Д. Ф. Загидуллина, характеризуя творчество молодых татарских поэтов, отмечает: «Татарская поэзия на рубеже XX–XXI вв. характеризуется масштабностью постмодернистских экспериментов» [Загидуллина, 2016, № 4, с. 15]. В другой статье татарский литературовед пишет, что современная татарская поэзия «характеризуется размыванием художественных принципов, многоликостью и широтой экспериментов. В творчестве молодых поэтов, заявивших о себе в начале XXI в., возникают такие явления, которые для татарской литературы стали открытием» [Загидуллина, 2016, т. 158, с. 27].

В последние годы благодаря переводам татарская лирика оказалась доступной широкой читательской аудитории. Несмотря на то что в начале XXI века появляется мало теоретических работ в области перевода, интерес к проблеме перевода с языков СНГ растет, о чем свидетельствует активизация переводческого процесса с национальных языков начиная с 2010 года. Отметим самые существенные сборники переводов поэзии с татарского языка (не считая многочисленные публикации в периодических изданиях Казани и Москвы): «Современная татарская поэзия» [Современная татарская поэзия]; «Из века в век. Поэзия народов кириллической азбуки. Татарская поэзия» [Из века в век], «Антология новой татарской поэзии» [Антология новой татарской поэзии], «Татарский поезд. Современная поэзия Татарстана в переводах Николая Переяслова» [Татарский поезд], сборники переводов стихотво-

рений Сулеймана – «Знаки времен» [Сулейман], Мирзы – «За той рекой» [Мирза], Ленара Шаеха – «Заблудились мгновенья в веках» [Шаех] и др.

Причем на появление каждого сборника чутко реагируют современные татарские критики. К примеру, одним из первых на появление двуязычного сборника татарского поэта Л. Шаеха «Гасырда фасыллар буталган / Заблудились мгновенья в веках» откликнулся ведущий татарский литературовед Т. Н. Галиуллин в газете «Татар дөнъясы». Он пишет об особом языковом чутье молодого поэта, о богатстве жанров в творчестве Шаеха, о его «умении проникнуть во внутренний мир героя», о его привязанности к своему времени, «к будущему своего народа» [Галиуллин].

М. Сафаров в рецензии на сборник переводов стихотворений Л. Шаеха «Один из нас» отмечает: «Сборник, наполненный лиричностью, чистотой, весенней свежестью. Как точно вошла, вступила поэзия Ленара Шаеха, заданный им порядок слов и метафор в богатое русло татарской литературной традиции. Сдержанный, целомудренный лиризм – как редко на русском языке теперь можно прочесть такие воздушные строки, наполненные любовью и нежностью» [Сафаров, с. 48]. Он также отмечает талант современных переводчиков Галины Булатовой и Алены Каримовой, которым удалось «не расплескав, не потеряв ни единого смысла, донести язык Ленара Шаеха» до русского читателя [Там же, с. 49].

А. Нурисламова в статье «Лучший день еще не прожит!» говорит сразу же о двух сборниках. В центре ее внимания творчество Л. Шаеха, поэта, по ее словам, необычно открытого, «с собственной, возвышенной, и вместе с тем доверительной интонацией» [Нурисламова. Лучший день еще не прожит! С. 118]. Однако, подчеркивая, многообразие лирики Л. Шаеха, особенности его поэтического языка, А. Нурисламова не останавливается подробно на качестве переводов, опубликованных в этих сборниках, возможно, потому, что в обоих сборниках переводчиками выступали Галина Булатова и Алена Каримова.

В последние годы переводчики обращаются к стихотворениям как мэтров татарской поэзии, так и молодых поэтов, вошедших на литературную авансцену недавно. К примеру, в сборник «Татарский поезд» включены стихи известных поэтов Татарстана – Разиля Валеева, Рената Хариса, Рамиса Аймета, Зиннура Ман-

сурова и Мухаммата Мирзы, переведенные Николаем Переясловым, секретарем Правления Союза писателей России [Татарский поезд]. А. Нурисламова, говоря об особенностях данного поэтического сборника, подчеркивает, что «каждый поэт – машинист „татарского поезда“, – представляющий нашу республику (Татарстан. – Э. Н.) российскому читателю, по-своему уникален, значителен и ярок» [Нурисламова. Поэтический поезд, с. 114]. Она выделяет как положительные стороны переводов Н. Переяслова, так и некоторые недочеты: «В переложении московского поэта любимые стихотворения открываются с новой, неожиданной стороны». В частности, говоря о стихотворении Разиля Валеева «Мой день», она подчеркивает: «Однако в обработке Николая Переяслова известное стихотворение окрашено в более мрачные, трагические тона» [Там же, с. 115].

В «Антологии новой татарской поэзии» представлены переводы молодых поэтов, вошедших в литературу в XXI веке: Рузалия Ахмадиева, Булата Ибрагима, Луизы Янсуар, Гульнур Курбановой, Ленара Шаеха, Айдары Джамала и др. [Антология новой татарской поэзии].

В сборниках 2015 года в качестве переводчиков выступили современные русские поэты, известные тем, что активно занимаются переводами как с национальных языков, так и мировых: Виктор Куллэ, Владимир Гандельсман, Герман Власов, Николай Переяслов и др. Все переводы были выполнены по подстрочнику. Активно занимаются переводами с татарского языка и современные поэты Республики Татарстан: Сергей Малышев, Роза Кожевникова, Лилия Газизова, Вера Хамидуллина, Алена Каримова и др.

Современная татарская поэзия привлекает внимание не только русских переводчиков, она переводится на языки народов ближнего зарубежья. К примеру, в 2016 году вышла «Антология новой татарской поэзии» на азербайджанском языке. Переводчики познакомили азербайджанского читателя со стихотворениями Юлдуз Миннуллинной, Луизы Янсуар, Гульназ Газизовой, Алены Каримовой и др. В предисловии к антологии отмечается, что ее составители ориентировались на «Антологию новой татарской поэзии», вышедшую в 2015 году в Москве, но при этом произведения молодых татарских поэтов переводились на азербайджанский язык не только через русские переводы, но и с языка оригинала [Yeni tatar şeiri antologiyası].

Благодаря тому, что в 2015 году в Татарстане появилась серия «Төрки әдәбият» («Тюркская литература»), татарские читатели получили возможность познакомиться с произведениями тюркских народов, проживающих на территории СНГ. В рамках этой серии, в частности, были опубликованы на татарском языке стихотворения киргизского поэта Омора Солтанова [Солтанов] и якутской поэтессы Натальи Харламповой [Харламповева]. Благодаря небольшим предисловиям, подготовленным Л. Шаехом, мы узнаем об основных темах и мотивах их творчества, погружаемся в их художественный мир [Солтанов]. Книги серии «Төрки әдәбият» позволяют современным татарским читателям соприкоснуться с уникальным миром поэзии народов СНГ, а киргизским, якутским читателям, в свою очередь, прочитать произведения татарских поэтов на своем родном языке.

О том, что растет интерес к татарской литературе и в мировом сообществе, говорит тот факт, что в 2016 году на пятом литературном фестивале «Open Eurasian Literature Festival & Book Forum» в категории «Литературный перевод» победителем стала А. Каримова. Поэтесса из Казани перевела стихотворение Нарсулуу Гургубаевой «Куттуу үйгө кабар айтпай, чакыртпай» («Северным ветром неожиданным вошла в твой дом») (Кыргызстан) [Научная хроника тюркского мира, с. 281]. Высокое мастерство молодых татарских поэтов было отмечено российско-итальянской литературной премией «Белла»: лауреатами в номинации «Касание Казани» в 2016 году стали Л. Янсуар за стихотворение «Любовь, огромная как небо...» в переводе на русский язык Алены Каримовой (Аргамак, 2013, № 4) и Ю. Миннуллина за стихотворение «День как во сне» в переводе на русский язык Германа Власова (Октябрь, 2015, № 8) [Хабутдинова, с. 52].

Перевод как текст становится частью национальной литературы и выполняет роль, характерную для последней, однако степень совпадения перевода с произведениями отечественной литературы исторически изменчива. Она высока на этапе становления национальной литературы, когда последняя еще недостаточно осознает свою самобытность. Так, в татарской литературе начала XX века резко увеличилось число переводов русской поэзии. Это были в основном так называемые «вольные» переводы, в которых стираются различия между оригиналом и собственным творчеством переводчика.

К осознанию того, что выбранное для перевода произведение обладает своим национальным своеобразием, которое при переводе необходимо воспроизвести, татарские переводчики пришли в 1930-ые годы.

Одной из характерных особенностей современной переводческой школы является перевод по подстрочнику и автоперевод, последний характерен для поэтов-билингвов. К примеру, в сборнике «Знаки времен» представлены многие стихотворения Сулеймана в переводе автора [Сулейман].

Большинство же переводчиков, независимо от того, живут ли они в Татарстане или принадлежат к московской школе, работают по подстрочнику. Основная причина возникновения подстрочника – незнание переводчиком языка оригинала, что заставляет его обратиться к помощи переводчика, выступающего в роли буквалиста. Подстрочник, как правило, обедняет оригинал, потому что образная система последнего не сводима к его лексике; одновременно он оставляет место для развертывания воображения переводчика, поддерживаемого в основном ключевыми словами и сюжетными ходами оригинала. Поэтому подстрочник и «вольный перевод» – взаимосвязанные явления.

Подстрочник поощряет переводчика распространить «свое» на «чужое» и достигать таким образом единения с ним. Однако подстрочник в большинстве случаев ведет к унификации различий в литературах, находящихся в диалоге.

Рассмотрим особенности передачи современной татарской поэтики в переводах, выполненных как по подстрочнику, так и с оригинала.

В качестве примера обратимся к стихотворению Сулеймана «Бу тәрзә» («Окно») (перевод Л. Газизовой) [Сулейман, с. 23]. Современные переводчики, как правило, на уровне ритмики и рифмовки передают многие формальные особенности стихов татарских поэтов. Они стремятся к эквилинеарности и эквиритмичности, стараются следовать не букве, а духу оригинала.

В случае с переводом стихотворения «Бу тәрзә» стоит отметить, что поэт-переводчик Л. Газизова «подстраивает» стих Сулеймана под русского читателя, ее стихотворение построено по канонам традиционного русского стихосложения. Стихотворение Сулеймана делится на две строфы (первая строфа состоит из 11 коротких строк, вторая строфа – из 9). Пере-

вод представляет собой два катрена; мысли, намеченные в стихе Сулемана пунктиром, оканчиваются высказанными прямолинейно; плотность слова, внутренняя насыщенность оригинала исчезает в переводе.

Сравним оригинал и перевод второй строфы Сулеймана:

Берәү капкачларын япты: кара – кара, агы да кара, караңгы – караңгы, яктысы да караңгы... Бер таш тиде – челпәрәмә килде: нәкъ минем күңелем инде... [Сөләйман, с. 19].	Но кто-то закрыл дорогое окно. И белый свет черным отмечен. А кинули камень – разбилось оно... Душа вся – зигзагами трещин [Сулейман, с. 23] (перевод Л. Газизовой).
---	---

Поэт-переводчик вступает в диалог с татарским поэтом и доводит до логического завершения те мысли, которые были скрыты в оригинале за многоточиями. Сулейман несколько раз повторяет слово «кара» ‘черный’, ему важно создать атмосферу пустоты, которая вокруг лирического героя, в переводе сохранена эта атмосфера за счет соединения несоединимых понятий: «белый свет черным отмечен», однако в оригинале нет ощущения полной безнадежности, которая проявилась в переводе. Интересно и то, что Сулейман пишет о ставнях, которыми прикрыли окно, в переводе Газизовой появляется эпитет «дорогое» (окно), существенно то, что в переводе окно разбивается, в оригинале этого нет.

Поэтическая мысль Сулеймана отличается глубиной и оригинальностью воплощения ее в стихе, читая его произведения, вспоминаешь стихи татарского поэта начала XX века Дәрдемнда. Сулейман использует в стихах емкие символы, он немногословен, его язык лаконичен, но наполнен внутренним смыслом. «В стихах Сулеймана много метафорических сравнений и эпитетов, оригинальных тропов и окказиональных слов. Например, „тормыш – көтүче курае“ (‘жизнь – пастуший курай’); „тарихка чигелә каберләр – гуяки капчыкка ямаулык“ (‘и могилы – заплатки земли’) (перевод автора), „күк һәм җир – тегермән ташлары“ (‘небо и земля – мельничные жернова’) и др.» [Нагуманова, с. 234].

Сулейман – поэт-билингв, имеющий возможность говорить с читателем как на татарском, так и на русском языках, и, конечно, нам интересно проследить, как отражается ориги-

нальная поэтика Сулеймана в его собственных переводах.

Приведем еще одно стихотворение поэта:

Жиһан – берни түгел, – Олы бер көй. Дөнья – берни түгел, – Олы бер моң. Гомер – берни түгел, – Гади бер шэй. Адам – берни түгел, – Гади бер жөй. Мәңгелек Тын. Мәңгелек ТЫн. Мәңгелек ТЫН [Сөлэй- ман, 50].	Вселенная – ничто, – Звуков вихрь. Мир суетный земной – Только ветер. И жизнь сама – ничто, – Грусти сонм. И человек – ничто, – Стуток волн. А вихря твердь – три вещей вещи: покой круг, и жизни вдох, и вечный дух... [Сулей- ман, с. 56] (перевод авто- ра).
--	---

Татарское стихотворение построено на параллелизме. Поэт использует сочетание коротких строк: 6 / 4 сложных.

На русском языке эти особенности переданы полностью. Татарское стихотворение состоит из 11 строк (8+3), на русском языке, сохраняя ритмический и стилистический рисунок первых 8 строк, Сулейман находит весьма удачный вариант передачи смысла последних трех строк, которые, несомненно, не могут быть поняты читателем при дословном переводе. Он увеличивает количество строк, обращается к звуковому повтору (*три вещей вещи*), каждая последующая строка фиксирует тот предел, к которому идет человек: покой – вдох – вечный дух.

В этом стихотворении с наибольшей силой проявились черты, характерные для современной авангардисткой поэтики: ударная ритмика, свободное обращение со стихотворными размерами (в стихотворении соединяются ямб и хорей). Перевод становится примером воплощения оригинальной поэтики Сулеймана на русском языке, он занимает свою нишу в современной литературе.

В результате взаимодействия национальных языков и культур возникает «двойное параллельное восприятие национальной и „чужой“ систем взглядов на явления и предметный мир, оно (восприятие) должно обнаружить в той или иной форме или степени связь с двуязычием или одноязычием в речевом развитии» [Выготский, с. 336]. Параллельное восприятие культур способствует формированию особого взгляда билингва на окружающую действительность.

Поэт-билингв прежде всего апеллирует универсальными кодами культуры, выделяет понятия, способные участвовать в интерпретации иных культурных концептов.

Различие культур всегда создает определенные трудности при общении, поэтому переводчик, воспринимающий «чужой» мир, стремится не к буквальной точности, а к адекватности. Понимание текста оригинала предполагает интерпретацию основных принципов исходного языка, выявление индивидуальных особенностей автора, способа его мышления. Текст перевода не только воздействует на реципиента, но и сам подвергается воздействию иной культуры. Как отмечает современная переводчица Алена Каримова, «когда мы беремся переводить ту или иную вещь, мы <...> вынуждены проживать кусочек жизни в иной реальности, в другом времени, в других обстоятельствах» [Каримова, с. 43].

Переводчик устанавливает относительное равновесие между переводом и оригиналом на основе своего языкового и культурного опыта, в меру своего творческого потенциала. Удачные переводы способны обеспечить дополнительную аудиторию оригиналу, позволяют удовлетворить потребности читателей, не владеющих языком исходного текста. Переводы, созданные без учета духа оригинала, наоборот, могут оттолкнуть русскоязычного читателя, усомниться в поэтическом даровании поэта.

Это, к примеру, мы обнаруживаем в переводах некоторых стихотворений молодых татарских поэтов на русский язык в «Антологии новой татарской поэзии» (Октябрь, 2015), где представлены переводы, выполненные русскими поэтами [Антология новой татарской поэзии]. В данном случае важно увидеть, насколько неоднозначным может быть восприятие инонациональной поэзии носителями русского языка, важно уловить то, что осталось от татарской поэтической школы в переводах. Современный критик может дать весьма неоднозначную оценку переводам, представленным в «Антологии...», потому что, наряду с удачной передачей поэтической мысли татарских авторов, мы видим весьма схематичное представление об инонациональной языковой культуре в переводах. В антологии, с нашей точки зрения, число неудачных переводов превышает число удачных.

В качестве примера выделим переводы стихотворений Луизы Янсуар и Ленара Шаеха.

Луиза Янсуар – талантливая поэтесса, переводчик, совмещающая творчество с преподавательской деятельностью. В «Антологии...» ее стихотворения представлены в переводе молодого поэта, прозаика, эссеиста Вадима Муратханова. Стихотворение «Кешеләр» («Люди») [Антология современной татарской поэзии, с. 129] отличается оригинальной поэтикой: Янсуар делит стихотворение на две части, вторая часть состоит из двух строф, в которых смысл человеческой жизни сводится к приближению смерти, поэтому так важно лирической героине найти возлюбленного на земле, так как люди не способны побороть вечность. Именно во второй части поэтесса отказывается от заглавных букв, что делает чтение более замедленным, перед нами предстает поток сознания лирической героини. Все эти особенности воссозданы в русском переводе. Вольные переводы стихотворений Янсуар являются попыткой соединить философичность поэзии татарского автора с оригинальной поэтикой самого Муратханова (критики, говоря о языке его стиха, называли его русским, но увиденным в странной тюркской перспективе: поэт является одним из основателей Ташкентской поэтической школы).

Одним из вопросов художественного перевода является вопрос о возможности передать национальное своеобразие оригинала. Внутренняя специфика национального колорита связана с национальным языком. У каждого языка есть свои специфические черты, присущие только ему, чем шире писатель использует стихию своего национального языка, тем труднее переводить его произведения на другой язык. Специфические особенности, присущие языку, наиболее ярко проявляются при переводе, когда происходит сопоставление двух языковых систем. Трудности, с которыми неизбежно сталкивается переводчик, можно разрешить только при условии владения всеми закономерностями этих языков.

Этого мы не заметили в переводах Владимира Салимона стихотворений Ленера Шаеха. Выделим стихотворение «Яратам!..» («Я люблю») (для полного понимания стихотворения татарского поэта также приведем перевод Г. Булатовой):

Урамда ап-ак кар сибәли, Әйләнәм ак карлар тирәли. Очам мин, очам мин – тар-ра-там, Яратам, яратам, яратам!..	Әйләнәм, әйләнәм – тар- ра-там, Яратам, яратам, яратам!.. Урамда ак бәхет сибәли, Тирбәләм ак карлар
--	--

Урамда энже кар сибәли, Битемә ак карлар тигәли.	тирәли. Мин бүген бәхетле – тар- ра-там, Яратам, яратам, яратам!.. [Шаех, с. 8].
---	--

Я люблю! Я люблю! Я пою по утрам. Сыпет снег за окном. Тар-ра-там, тар-ра-там!	Снегопад на дворе, снегопад, Я лечу, этой снежности рад, И с восторгом снежинки ловлю: Я люблю, я люблю, я люблю!
Снег кружится весь день. Тар-ра-там, тар-ра-там! Я люблю! Я люблю! Снег с дождем пополам.	Снегопад на душе, снегопад, Как жемчужно снежинки парят! Вместе с ними кружусь и пою: Я люблю, я люблю, я люблю!
Или легкий, как пух, Чистый мягкий снежок, тар-ра-там, тар-ра-там, мне попал на зубок! [Антология новой татарской поэзии, с. 187] (перевод Владимира Салимона).	Снегопад – ах, какой снегопад, Я плыву по снегам наугад И, счастливый, из снега леплю: Я люблю, я люблю, я люблю! [Шаех, с. 8] (перевод Галины Булатовой).

Владимир Салимон, не владеющий языком оригинала, пытается создать некую иллюзию близости к поэтике Шаеха за счет сохранения незнакомого слова, повторяя в каждой строфе: *Тар-ра-там, тар-ра-там*. Это приводит к тому, что русский текст становится образцом легкого стиха, лишённого всякого смысла. Подобные переводы стихотворений молодых поэтов снижают общее представление о современной татарской лирике. Примеров подобных переводов в «Антологии новой татарской поэзии» немало.

Бесспорно, для каждого поэта важно найти «своего» переводчика, тонко чувствующего стихию языка и способного передать многие нюансы оригинального произведения. Одним из достижений стало появление в 2016 году сборников переводов Ленера Шаеха в переводах талантливых поэтесс: Галины Булатовой и Алены Каримовой [Шаех]. Как пишет Алена Каримова в статье «Перевод как священная обязанность», «в творчестве молодых намного чаще можно встретить свободные стихи, чистое

чувство, яркую образность, лишь слегка опирающуюся на „земную“ логику. Переводить их в каком-то смысле легче, потому что они изначально несут в себе стилевые ключи, родственные современной русской поэзии – и здесь не возникает вопроса, на что ориентироваться, в какой русский контекст „вписать“ эти тексты. Однако и здесь есть подводные камни: есть опасность потерять национальное своеобразие, как бы патетично это ни звучало, потерять угол зрения, акценты, тонкий план... <...> перевод современных поэтов, в отличие от перевода классических произведений, требует принципиально иных подходов» [Каримова, с. 40–41].

У Галины Булатовой «женский» взгляд на стихотворение Шаеха, она не стремится к дословной передаче татарского стихотворения, ей важнее воссоздать на русском языке ту атмосферу радости, которая в душе лирического героя Шаеха, ощутившего великое чувство. Переводчик, несмотря на многие отступления от оригинала, стремится воссоздать на русском языке формальные особенности стихотворения: рифмовку, повторы слов. Она находит такие выражения в русском языке, которые позволяют передать поэтику оригинала, не уходя в область буквализма или излишней вольности.

Инаковость культуры в некоторых случаях порождает ее неперебиваемость на язык другой культуры. Современные ученые пишут о том, что неперебиваемость обнаруживает себя в «точках несоприкосновения» языков, «моментах контраста», в которых «языки ведут себя принципиально различным образом, так, что между ними нельзя найти контакт» [Смирнов, с. 39]. В феноменах, отражающих контраст между произведениями, в первую очередь в неперебиваемости, обнаруживает себя идентичность.

Идентичность современных татарских поэтов порой проявляется не так ярко, как, к примеру, у Г. Тукая и Ш. Бабича, но это надындивидуальное начало, объединяющее литературу как национальную, отчетливо прослеживается и в лирике «старших поэтов», включенных в сборник «Татарский поезд», и в стихотворениях молодых поэтов.

В данном случае все зависит от языкового чутья поэта-переводчика. Если переводчик способен увидеть тончайшие оттенки чужого слова, то переводное произведение, будучи включенным в иное поэтическое пространство, остается произведением, несущим отголосок «чужой» культуры, но и понятным русскоязычному читателю (к примеру, переводы Сулеймана).

Если же этого не происходит, то полностью теряется в переводном произведении идентичность.

М. К. Попова отмечает, что есть необходимость в том, чтобы «рассматривать изучение проблемы национальной идентичности как путь, ведущий к лучшему пониманию литературного произведения», «всех его составляющих: идейной насыщенности, художественного мира, его элементов: системы персонажей, образов главных героев, художественной детали» [Попова, с. 48]. К примеру, национальная идентичность татарского поэта Аймета в стихотворении «Төш» («Сон») [Татарский поезд, с. 62] проявляется прежде всего в использовании фактов татарской истории и упоминании имен представителей татарской литературы: Сагита Рамиева, Гаяза Исхаки. В переводе Н. Переяслова сохранена основная мысль Айметова о прошлом и настоящем татарского народа, однако русским поэтом не до конца прочувствована трагедия татар, отсюда и не вполне адекватные варианты перевода некоторых строк:

Туар микән татар иртәсе бер,
Коеныр микән кабат данынды?
(досл.: Взойдет ли однажды утро татар, // Искушается ли вновь в славе?).

... так татар вечно точит и гложет
мысль о славе за далями лет [Там же].

Зная многовековую историю татарского народа, нельзя воспринимать перевод этих строк Переясловым как удачный вариант воссоздания особенностей оригинала в стихотворении. Создается впечатление, что татарский этнос живет только мыслью о славе. В стихотворении Аймета важны отсылки к произведениям татарских классиков: стихотворению С. Рамиева «Таң вакыты» (1908) [Рәмиев] и повести Г. Исхаки «Ике йөз елдан соң инкыйраз» (1902–1904) [Исхакый]; они создают общую атмосферу прошлого и связывают историю татар начала XX века с современностью, эти аспекты в русском переводе потеряны.

Однако это не сказывается в целом на качестве переводов, потому что Н. Переяслов находит интересные формы в русском языке для адекватной передачи поэтики стихотворений татарских поэтов: это проявляется и на уровне композиции, звукописи, ритмической организации произведения. Не стоит забывать и о том, что переводы ориентированы на русского читателя. Если «для татарского читателя судьба его

народа, его родная земля – безусловная ценность, и в поэзии чаще всего находится на первом месте», то «русский же современный читатель подобную высокопарность расценит скорее как неискренность, дань политической конъюнктуре» – пишет Алена Каримова [Каримова, с. 39].

Проведенный обзор переводов татарской поэзии позволяет сказать о довольно высоком уровне современной переводческой школы в Татарстане. Как показывает анализ, переводчикам сложнее передать поэтику стихов, не вписывающихся в традиционную парадигму (к примеру, произведения Сулеймана). Его стихотворения зазвучали на русском языке благодаря самому поэту. В остальных случаях татарская поэзия находит своего читателя благодаря переводчикам, обладающим тонким языковым чутьем и знакомым с культурными особенностями татарского этноса. Переводы по подстрочнику могут быть оценены неоднозначно: с одной стороны, они становятся равноценными оригиналу в принимающей культуре, с другой – суждение по ним о татарской поэзии начала XXI века может снизить общее представление о поэтическом мастерстве современных поэтов из-за многочисленных неточностей; все зависит от мастерства переводчика.

Литература

Айтматов Ч. А. Материалы V съезда писателей СССР (26.06.1972) // Пятый съезд писателей СССР. Стенографический отчет. М.: Сов. писатель, 1972. С. 82–85.

Антология новой татарской поэзии. / Яңа татар поэзиясе антологиясе. М.: Журнал «Октябрь», 2015. 288 с.

Выготский Л. С. Мышление и речь. Собр. соч. в 3-х т. М., 1983. 435 с.

Галиуллин Т. Мелодии души поэта // Татар дөнъясы (Татарский мир). № 11. 2016. С. 11.

Галиуллин Т. Н., Хабутдинова М. М. Западноевропейская классика в переложениях Тукая // *Tatarica*, 2014, № 2. С. 55–60.

Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Изд-во МГУ, 2004. 544 с.

Гачечиладзе Г. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. М., 1980. 225 с.

Гиривенко А. Н. Из истории русского художественного перевода первой половины XIX века. Эпоха романтизма. М. Флинта, Наука, 2002. 280 с.

Загидуллина Д. Ф. История науки о литературе у татар: учебное пособие. Казан: Изд-во Казан. ун-та, 2011. 132 с.

Загидуллина Д. Ф. Постмодернизм в татарской поэзии: поэтика фрагментарности // Филологиче-

ские науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 4 (58): в 3-х ч. Ч. 1. С. 15–17.

Загидуллина Д. Ф. Постмодернизм в татарской поэзии: поэтика иллюзорности // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. Т. 158 (кн. 1). С. 27–36.

Из века в век. Поэзия народов кириллической азбуки. Татарская поэзия. Москва – Казань, 2010. 703 с.

Каримова А. Перевод как священная обязанность // Казанский альманах, 2014, № 12. С. 34–43.

Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л., 1985. 299 с.

Мирза М. М. За той рекой: рубаи = Елгань аргы ягында: робагылар [пер. с татар. Н. В. Переяслова]. Казан: татар. кн. изд-во, 2011. 190 с.

Нагуманова Э. Ф. Стихотворение Сулеймана «Этием» в русских переводах // Филология и культура. *Philology and Culture*. 2016. № 4 (46). С. 232–236.

Научная хроника тюркского мира // *Tatarica*, 2016. № 2. С. 276–281.

Нурисламова А. Лучший день еще не прожит! // Казанский альманах: Алмаз. Казань: Татар. кн. изд-во, 2016. С. 118–122.

Нурисламова А. Поэтический поезд // Казанский альманах: Алмаз. Казань: Татар. кн. изд-во, 2016. С. 114–118.

Попова М. К. Проблема национальной идентичности и литература // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. 1: Гуманитарные науки. 2001. № 2. С. 45–48.

Поэтика перевода: сборник статей. Москва: Радуга, 1988. 238 с.

Сафаров М. Один из нас // Идель. Май 2016. С. 48–49.

Смирнов А. В. Можно ли строго говорить о непереводемости? // Гуманитарные чтения РГГУ-2009: Теория и методология гуманитарного знания. Гуманитарное знание и образование: Сборник материалов. М.: РГГУ, 2010. С. 37–54.

Современная татарская поэзия. Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 480 с.

Сулейман. Знаки времен: Поэма и стихи. Казань: Магариф-Вақыт, 2014. 127 с.

Татарский поезд. Современная поэзия Татарстана в переводах Николая Переяслова. Москва, 2015. 124 с.

Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учеб. пособие для интов и фак-тов иностр. языков. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. 416 с.

Хабутдинова М. М. «Касание Казани»: горизонты развития современной татарской поэзии // Идель. 2016. № 6. С. 52–54.

Чуковский К. И. Высокое искусство. СПб: Авалонь, 2008. 448 с.

Шаех Л. М. Заблудились мгновенья в веках: стихотворения. Казань: Татар. кн. изд-во, 2016. 335 с. (на тат. и рус. яз.)

Эко У. Сказать почти то же самое. Опыт о переводе. СПб: Симпозиум, 2006. 574 с.

Юсупова Н. М., Ибрагимов М. И. Современная татарская поэзия // Национальные литературы республик Поволжья (1980–2010 гг.) [Текст]: коллективная монография / науч. ред. В. Р. Аминова. Барнаул: ИГ «Си-пресс», 2012. С. 118–123.

Дмитриев Н. К. Каюм Насыри – филолог // Каюм Насыри: тууына 120 ел тулуга багышланган гыйльми сессия материаллары. Казан: Татгосиздат, 1948. 41–61 б.

Ибрагимов Г. Тәржемә һәм аның шартлары // Әсәрләр: 8 томда. 5 т.: Әдәбият һәм сәнгать турында мәкаләләр, хезмәтләр (1910–1933). Казан: Татар. кит. нәшр., 1978. 38–41 б.

Исхакый Гаяз. Ике йөз елдан соң инкыйраз: (Публицистик-фантастик повесть) // Мирас. 1997. № 2. Б. 107–137. № 3. Б. 124–153.

Рәмиев С. Таң вакыты: Шигырьләр, хикәяләр, сәхнә әс., публицистика / Төз., кереш сүз язучы Ш. Садретдинов. Казан: Татар. кит. нәшр., 1980. 272 б.

Солтанов Омор Солтан улы Йолдызлы төннәр: шигырьләр [кыргызчадан Л. Шәех, Р. Сәлах тәрж.] Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. 95 б.

Сәйфи-Казанлы Ф. Тәржемә бабында тәҗрибәләр. Тәнкыйть // Аң. 1914. № 4. 83–85 б.; № 5. 103–104 б.; № 8. 165–167 б.; № 9. 180–182 б.

Сөләйман. Вакыт касәсе: Поэма һәм шигырьләр. Казан: Мәгариф-Вакыт, 2014. 111 с.

Харлампыева Н. Көзге яңгырлар: шигырьләр [якутчадан Л. Шәех, А. Зарипова, А. Галиева, Г. Шиһапова, Р. Сәлах тәрж.]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2016. 94 б.

Әмирхан Ф. Тәржемә – тәфсир // Әсәрләр: дүрт томда. 4 т.: Әдәбият-сәнгать тәнкыйте, биографик материаллар, хатлар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. 156–159 б.

Yeni tatar şeiri antologiyası. Bakı: «Hədəf» Nəşrlər Evi, 2016. 232 s.

Savory Th. The Art of Translation. London, 1957. 159 p.

ХӘЗЕРГЕ ТАТАР ПОЭЗИЯСЕ РУС ТЕЛЕНӘ ТӘРЖЕМӘДӘ: МӘСЪАЛӘНӘН КУЕЛЫШЫ

Элвира Фирдәүл кызы Нагуманова,

Казан федераль университеты,
Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
ehlviran@yandex.ru.

Мәкаләдә хәзерге татар шагыйрьләре әсәрләренә рус теленә тәржемәләренә беренчеләрдән булып күзәтү ясала; шигъри текстларны татар теленән русчага тәржемә практикасындагы гомуми тенденцияләр билгеләнә. Башкала нәшриятларында (мәсәлән, «Яңа татар поэзиясе антологиясе») һәм Казан басмаханәләрендә (Сөләйман, Мирза, Ленар Шәех шигырьләре тәржемәләренәң жыентыклары) татар теленән русчага дистәләгән тәржемә жыентыкларының басылуы ХХІ гасыр башында милли телләрдән тәржемәләргә игътибар артуны күрсәтә. Китаплардагы оригиналдан тәржемәләр сүзгә-сүз тәржемәләрдән югары сыйфатлы булулары белән аерылып тора. Тәржемә ителгән әсәрләргә анализ хәзерге тәржемәчеләрнең татар шигырьләре поэтикасын рус теленә төгәл бирүнең төрле кызыклы формаларын табулары хакында нәтиҗә ясарга мөмкинлек бирә; әмма хәзерге татар лирикасының күп кенә үрнәкләре чит телләргә авыр тәржемә ителә.

Төп төшенчәләр: хәзерге татар поэзиясе, тәржемә, оригинал, рус теле, поэтика, бердәйлек.